

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

**Роль Маштоца и Вульфилы в формировании
новой цивилизационной идентичности***Е. Г. Маргарян, Л. Е. Маргарян*

Для цитирования: *Маргарян Е. Г., Маргарян Л. Е.* Роль Маштоца и Вульфилы в формировании новой цивилизационной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 432–453. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.208>

Статья посвящена двум просветительским движениям рубежа IV и V вв. — готскому и армянскому. У истоков обоих течений стояли выдающиеся просветители — Вульфила и Маштоц, заложившие краеугольный камень в конструкцию домодерной национальной идентичности своих народов. И в том и в другом случае это был цивилизационный проект, призванный положить конец язычеству и латентному варварству на периферии Римского мира, стремительно клонящегося к закату. Изобретение соб-

Ерванд Грантович Маргарян — д-р ист. наук, доц., Российско-Армянский университет, Армения, 0051, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123; вед. науч. сотр., Институт востоковедения Национальной академии наук Армении, Армения, 0019, Ереван, пр. Баграмяна, 24; ervand.margaryan@rau.am

Лусине Ервандовна Маргарян — постдокторант стипендии им. Марии Склодовской-Кюри, Университетский колледж Корка, Ирландия, T12 HW58, Корк, Колледжская дорога, Университетский колледж; lmargaryan@ucc.ie

Yervand H. Margaryan — Dr. Sci. (History), Associate Professor, Russian-Armenian University, 123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051, Armenia; Leading Researcher, Institute of Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Armenia, 24, Marshal Baghramyan pr., Yerevan, 0019, Armenia; ervand.margaryan@rau.am

Lusine Ye. Margaryan — Postdoctoral Fellow, School of History, University College Cork, University College, College Rd, Cork, T12 HW58, Ireland; lmargaryan@ucc.ie

Статья подготовлена при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения, проект № 21AG-6C041: «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности: трансдисциплинарный анализ армянского эпоса, историографии, городского пространства и политического дискурса».

The article was written with the financial support of the Committee on Science of the Republic of Armenia, project no. 21AG-6C041: “Cognitive, communicative and semiotic mechanisms of the formation of historical memory and national identity: transdisciplinary analysis of Armenian epic literature, historiography, urban space and political discourse”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ственного алфавита, перевод Священного Писания имели главной целью устройство национальной церкви, которая, в свою очередь, является главным инструментом для создания средневековой национальной идентичности. Однако для зарождения национальной церкви нужна священная книга на национальном языке, дающая ответы на вечные и злободневные вопросы; книга, которую можно изучать и по которой можно жить. Приобщение готов к « народам Книги » было инициативой прежде всего самого Вульфила, однако его проект был активно поддержан римскими властями. Вульфила не был римским агентом, но римляне были заинтересованы в успехе его просветительской деятельности, поскольку просветительство способствовало деварваризации германских племен. Если в источниках нет указаний на то, что проект Вульфила был поддержан готской элитой, то просветительский проект Маштоца, наоборот, с первого шага встретил одобрение и деятельную поддержку всех слоев армянского общества, в первую очередь церковной и светской элиты, а также простого народа. По сути, это был общенациональный проект, и зерна армянского просветительства упали на взрыхленную и удобренную почву. Именно этим объясняется всплеск армянской культуры в V в. Используемый в статье подход базируется на концепте эссенциального, или субстанциального, характера транслируемого содержания исторического процесса. Наряду с отдельными положениями конструктивистских теоретических установок, представляющих нацию как социальный конструкт (Маштоц и Вульфила именно конструировали свои новые нации), в расчет принимается и предопределенность исторической диалектики.

Ключевые слова: варварство, просветительство, национальная церковь, домодерная национальная идентичность, *народы Книги*, Библия, Маштоц, Вульфила.

The Role of Mashtots and Ulfila in the Creation of a New Civilizational Identity

Ye. H. Margaryan, L. Ye. Margaryan

For citation: Margaryan Ye. H., Margaryan L. Ye. The Role of Mashtots and Ulfila in the Creation of a New Civilizational Identity. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 432–453. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.208> (In Russian)

The article is devoted to two educational movements of the turn of the 4th–5th centuries — Gothic and Armenian. Outstanding enlighteners — Ulfila and Mashtots — were at the origin of these movements and laid the cornerstone in the construction of the national identity of their peoples. In either case, it was a civilizational project designed to put an end to paganism and “latent barbarism” in the periphery of the Roman world, which was rapidly declining. The invention of their own alphabets and the translation of the Holy Scriptures was aimed at organizing a national Church, which in its turn was the main tool for creating a national identity. The introduction of the Goths to the “peoples of the Scriptures” was an initiative, first of all, of Ulfila himself, but his project was actively supported by the Roman authorities. However, there is no indication in the sources that Ulfila’s project was backed by the Gothic elite. In contrast, Mashtots’ educational project from the very beginning met with the approval and active encouragement of all strata of Armenian society, primarily, the church and secular elites, as well as common people. In fact, it was a nationwide project, and the seeds of Armenian enlightenment fell on kindly soil. This explains the surge in Armenian culture in the fifth century.

Keywords: barbarism, enlightenment, national Church, pre-modern national identity, *peoples of the Scriptures*, Bible, Mashtots, Ulfila.

Будь осторожен в твоей работе, ибо это священный труд.
Опустишь ли ты единственную букву или прибавишь лишнюю,
этим — оказывается — ты разрушаешь весь мир.
Рабби Ишмаэль бен Элиша

Когда дикий народ становится цивилизованным,
ни в коем случае не следует считать акт цивилизации законченным после того,
как народу даны четкие и непререкаемые законы:
нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству
как к продолжающейся цивилизации.
Н. А. Буланже

Можно ли отважиться написать житие мужей совершенных?
Корюн

Начать нашу статью, пожалуй, стоит с того, как в античном мире воспринимались варварство и цивилизация. Дать простой и ясный ответ на этот вопрос затруднительно, поскольку сам термин *цивилизация* появился лишь в XVIII столетии и успел обрасти с тех пор различными, иногда взаимоисключающими, смыслами и коннотациями. Однако отсутствие термина не означает отсутствие самого понятия. Саморефлексия отдельных социумов как особого типа людей, развивающихся опережающими темпами, создающими общественные страты, города, письменность и др., осознающими свою цивилизационную роль для других племен и народов, существует с самого начала человеческой истории. При этом цивилизация всегда воспринималась как антипод дикости и варварства, а вне рамок этой антитезы цивилизацию вообразить невозможно.

Два крупнейших представителя классической философии, Аристотель и Платон, разделяют людей на две изначально неравные расы: эллинов и варваров (*βάρβαρος*)¹. Эллины рождены, чтобы управлять, а другие — подчиняться им и освободить «избранных» представителей элитной расы от повседневных забот². Вторя Гесиоду и цитируя строки Еврипида из «Ифигении в Авлиде», Аристотель заявляет: «Прилично властвовать над варварами грекам», поскольку «варвар и раб

¹ Подчеркнутое противопоставление эллинов варварам не было характерно для раннего классического периода. Так, в трудах Геродота и Фукидида нет дискриминационных настроений в отношении инородцев, наоборот, греки и варвары почти всегда пребывают рядом, стоят на одной ступени развития и не отличаются по статусу. Так, Фукидид в своей «Археологии» отмечает, что Гомер «нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет... не употребляет он и слова “варвары”, — очевидно, оттого что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем». Например, поэт говорит о карийцах как о «варварофонах» (греч. *βαρβαρόφωνοι* — «говорящие по-варварски карийцы»). Затем у Фукидида читаем: «В древности эллины и те из варваров, которые жили на материке близ моря, а равно все обитатели островов, обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю. Во главе их становились лица наиболее могущественные, которые и поддерживали пиратство ради собственной корысти и для доставления пропитания слабым». И далее: «Можно было бы указать и на многое другое в образе жизни древних эллинов, чем они походили на нынешних варваров» [Thuc., 1.5–1.6]. Это стало поводом для того, чтобы более поздние историки (Плутарх и др.) иронично стали называть Геродота варварофилом (см.: *Платон. Политик // Платон. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1972. С. 10–82*).

² *Рожанский И. Д.* Расизм и Древняя Греция // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. С. 58–65; *Елизарова Н. М.* К вопросу об источниках рабства в Риме в I в. до н. э. (по данным Цицерона) // Античный мир и археология. 1979. Вып. 4. С. 62–70.

по природе своей понятия тождественные» [Aristot., Polit. I. 1252b, 5–10]. Ведь согласно Аристотелю, у варваров «отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни» [Aristot., Polit. I. 1252b, 5–6].

Таким образом, еще в эпоху предэллинизма Запад разработал новую по своей сути имперскую идеологию цивилизации, у истоков которой стоят классики античной философии. Согласно утверждению Аристотеля: «...есть нечто справедливое и несправедливое по природе, признанное всеми народами, даже если между ними нет на этот счет никакой связи или соглашения» [Aristot., Rit. 1373b. 2–7]. Развивая свою идею, Аристотель утверждает, что власть приходит только к тем, кто способен на завоевательные действия, а свободы достойны те, кто способен ее защитить³. Вот почему в своих четырех книгах «Послания к Александру» [Diog. Laert., V, 1, 27] Аристотель призывал молодого царя не колебаться и смело сражаться с персидскими варварами [Cicer. Ep. ad Att., XII, 40, 2 (589, 2); XIII, 28, 2 (609, 2); Aristot. Epist. Testim., 2c; 13a; 14–15; Epist., 4–6 (Plezia)]. Плутарх сообщает, что Александр «имел в начале похода указаний от Аристотеля больше, чем от своего отца Филиппа» [De Alex. virt., 1, 4]. По мнению исследователей, Аристотель был основным идеологом завоевательной кампании Александра. Он наставлял Александра обращаться с эллинами как «гегемон», а с варварами — как «деспот»⁴. Об эллинах он советовал заботиться, как о друзьях и домочадцах, а с варварами поступать, как с животными и растениями [Plut. De Alex. virt. 1, 6 = Aristot., Epist., 6a (Plezia)].

Водораздел между мирами эллинов и варваров еще более углубился в начале эпохи эллинизма⁵. Это нашло свое выражение даже в эллинистической астрологии, где в равной мере получили распространение две совершенно разные небесные карты — «греческая небесная сфера» и «варварская небесная сфера»⁶. Таким образом, судьбы тех и других были разделены и, по сути, оказались в различных астрологических измерениях⁷.

³ Естественным и логическим развитием этой парадигмы стала мысль о том, что для эллинов удел рабов неестественен и неприемлем, так как по своей природе они созданы для того, чтобы править, а не подчиняться, следовательно, порабощение эллинов эллинами невозможно (об этом подробнее см.: *Каллистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифман И. Ш., Шишова И. А.* Рабство на периферии античного мира. Л., 1968).

⁴ «Природа желает, — пишет Аристотель, — чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни, а эта последняя разделяется у них на деятельность в военное и мирное время. Впрочем, зачастую случается и наоборот: одни имеют только свойственные свободным тела, а другие — только души» [Aristot., Polit. I. 2, 14].

⁵ *Hengel M.*: 1) *Judaism and Hellenism*. London, 1974; 2) *Jews, Greeks and Barbarians*. Philadelphia, 1980; *Никишин В. О.* Варвары и варварство в трудах Тацита: германцы, галлы и британцы // *Древний Восток и античный мир: труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ*. Вып. 5. М., 2002. С. 93–108.

⁶ *Нейгебауер О.* Точные науки в древности. М., 1968. С. 168–170.

⁷ Правда, на греческой небесной карте контраст между небесным сводом эллинов и варваров был не так выражен, как это было в Китае, где также была разработана небесная карта с двумя сферами. Одна сфера считалась небесным сводом варваров, а другая — цивилизованного мира. Отношения между этими двумя сферами представлялись как неизбежная победа варварского Запада над цивилизованным Востоком, судьба которого была predetermined.

Однако, согласно Аристотелю, варвары по своей природе отнюдь не однородны, и в Ойкумене обитают как минимум два их типа. Один из них воплощает вид человека буйного и воинственного, обладающего грубой телесной силой и обитающего на двух крайних полюсах: на севере — в лесистой стыллой Европе, а на юге — в пустынной знойной Африке. У одного из этих человеческих видов бледная кожа и невыразительная внешность, другие же слишком смуглы или вовсе чернокожи⁸. Однако и тот и другой тип диких варваров подобны подросткам, то есть инфантильны, аффективны и не имеют исторического прошлого. Второй тип варвара — их антипод. Это порода утонченных, цивилизованных людей, имеющих древнее, богатое историческое прошлое, склонных к церемониальности и духостроительству (вавилоняне, египтяне, финикийцы, персы и пр.). Внешне этот вид не похож на варваров, но, по сути, они, как и дикари, чувствительны и иррациональны. Оба типа варваров — словно дети и старики. Естественно, северные варвары отождествлялись с детьми неразумными, а цивилизованные ближневосточные народы — с немощными и слабоумными стариками, частично сохранившими, однако, полезные знания и остатки былой мудрости, которыми эллинам не следует пренебрегать.

В то же время, по Аристотелю, среди первобытных варваров доминирующим является мужское начало и почти отсутствует женское, а среди ближневосточных народов все с точностью до наоборот. И только эллины, причем лучшие из них, гармонично сочетают в себе телесную силу, бодрость духа и мудрость, иначе говоря — мужскую энергию и женскую деликатность. Таким образом, эллины занимают позицию «золотой середины» в историческом отношении (не очень древние и не очень молодые), пространственном (географически расположены между студеным севером и жарким югом) и идеациональном. Находясь посередине, между двумя крайними полюсами, эллины оказались словно бы предназначенными для того, чтобы их уравновешивать. Таким образом, согласно Аристотелю, на эллинов была возложена величайшая миссия — обеспечение гомеостаза в Ойкумене. Эту мессианскую роль, по мнению Аристотеля, должен был претворить в жизнь Александр.

Несомненно, подобно грекам, римляне также разрабатывали теоретические основы для своего экспансионизма. Римские идеологи старались доказать, что Рим был вынужден проводить наступательную политику для того, чтобы предотвратить угрозу для себя или своих союзников. В то же время, согласно теоретическим выкладкам римских идеологов, завоевания римлян были абсолютным благом для народов, которых они себе подчинили. Без римлян варварские народы Востока и особенно Севера Европы не приобщились бы к передовым цивилизационным ценностям римско-эллинистического мира⁹.

⁸ Степанян А. А. Развитие исторической мысли в Древней Армении: миф, рационализм, историописание. Ереван, 1991. С. 144–148; *Մտերիւմը և Գիտելը* Ա. Ա. «Ընտանիք-պետություն» համահմանություն 5-րդ դարի հայ հասարակական մտքի մեջ. Մովսես Խորենացի // Իրան նամե, 1993. № 6. Էջ 22–23 [Степанян А. А. Конкордия «семья-государство» в армянской общественной мысли V века. Мовсес Хоренаци // Иран-намэ. 1993. № 6. С. 22–23]; *Մտերիւմը և Գիտելը* Ա. Ա. Արտաշեսյանի դարաշրջանի Մեծ Հայքի ներքին կառույցի և արտաքին քաղաքականության մի քանի հիմնհարցերի մասին // Պատմություն և կրթություն. 2006. № 3–4. Էջ 13 [Степанян А. А. О некоторых фундаментальных вопросах внутренней структуры и внешней политики Великой Армении в эпоху Арташесидов // История и образование. 2006. № 3–4. С. 13].

⁹ Этот нарратив был доминирующим в европейской историографии и в Новейшее время, хотя за последние полстолетия деколониального поворота ситуация в значительной мере изменилась. Подробнее см.: *Никишин В. О.*: 1) Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллю-

Однако по мере распространения христианства восприятие цивилизации и варварства меняется, причем изменения в первую очередь затрагивают периферию — пограничные страны, расположенные на передовой римско-эллинистического мира и мира варваров¹⁰. На Востоке такой порубежной средой стала Великая Армения и Сирия, в Африке — Египет, Эфиопия и Карфаген, а в Западной Европе — Британия и Германия. Упадок Римской империи обусловил деградацию римской имперской идентичности и стимулировал поиски новой идентичности или, точнее, идентичностей. По сути, формирование новых идентичностей происходило на стыке миров (на рубежах *Pax Romana* и *Pax Barbarica*) и одновременно на стыке эпох (на рубеже римско-эллинистической античности и средневековой христианской цивилизации).

Поиски новых идентичностей происходили не спонтанно. Новая эпоха породила новые личности. Мы решили остановиться на двух выдающихся деятелях своего времени: Вульфиле (*Wulfila*, ок. 360 — ок. 430) и святом Месропе Маштоце (*Մեսրոպ Մաշտոց*, 361/362–440), роль и значение которых в мировой истории остается недооцененным. Оба они были религиозными, политическими и культурными деятелями, перекроившими историю своих народов в роковые для них времена. Характерная деталь: Вульфила и Маштоц были почти одногодками и умерли, прожив практически равное количество лет.

Для понимания деятельности обоих культурно-религиозных деятелей важен исторический фон. В 332 г. Константин Великий одолел на поле брани готов и предложил им заключить федеративный договор, согласно которому племя получало денежное довольствие и провиант в обмен на военную службу в римской армии. Произошел своеобразный обмен боевой мощи на блага цивилизации. По сути, варвары должны были защищать Рим от себе подобных¹¹. Такая политика в отношении варваров на определенное время обеспечила безопасность римских границ, но со временем по вине самих же римлян поставила под угрозу существование империи. По всей границе империи происходили злоупотребления и воровство со стороны имперских коррумпированных чиновников; готы страдали от голода, что привело к взрыву недовольства и восстанию, закончившемуся катастрофой Рима в известной битве при Адрианополе в 378 г. Так или иначе она знаменовала конец могущества Римской империи.

Казалось, оставленные римлянами позиции в Европе займут готы, однако этого не случилось. Среди готов не было единства, что привело к образованию много-

стия (к вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; 2) «Национальный вопрос» в произведениях Тацита // Древний Восток и античный мир: труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 4. М., 2001. С. 93–108; 3) Эллины, римляне и варвары: эволюция понятий в эпоху римского владычества // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 2. Ставрополь, 2002. С. 56–67; *Маргарян Е. Г.*: 1) Образ врага в римской литературе эпохи принципата // Критика и семиотика. № 2. Новосибирск; М., 2015. С. 517–524; 2) Эллинизм и его трансформации. Проблемы периодизации, универсализации и преемственности: в 2 т. Кн. I. Ереван, 2021.

¹⁰ *Маргарян Е. Г.*: 1) Из истории британских исследований эллинизма // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 74. М., 2021. С. 169–184; 2) Из истории французских эллинистических исследований // Там же. Вып. 78. М., 2022. С. 102–117.

¹¹ *Маргарян Е. Г.* Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (1). Приевфратская пограничная зона и христианство // Визуальная теология. 2022. Т. 4, № 1. С. 39–57.

численных государственных образований, среди которых самыми значительными были королевства вестготов (418–718 гг.) и остготов (493–555 гг.). Беспрепятственное расселение готов по всей территории Римской империи и стремительное приобщение к римскому образу жизни поставило под угрозу их идентичность. Готы так далеко ушли от своей прародины, что до них уже не могли дотянуться длинные тени старых богов. Отвернувшись от мрачных лесных капищ, готские вожди и их дружины стали один за другим принимать христианство, правда арианского толка, что неудивительно, ведь римская знать и особенно расквартированные вдоль границ империи римские легионы в этот период были преимущественно арианскими. Готы обладали огромным военным потенциалом, однако для создания готской государственности им необходимо было политическое единство и национальная идея, воплощенная в национальной церкви.

Армения, расположенная в другой части света, столкнулась с не менее серьезными вызовами. В том же судьбоносном для готов 378 г. Великая Армения была разделена между Римской империей и Сасанидским Ираном на Западную Армению (в состав которой вошли уже давно завоеванные римлянами провинции Малой Армении) и Восточную. Страна оказалась перед угрозой политического и культурного поглощения двумя могущественными державами мира. Расколота на две практически равные части, с ослабленной и дискредитированной царской властью, Армения не могла противостоять ни политическому, ни культурному натиску империй. Под угрозой оказалась идентичность армян. Неспособность светских властей решить стоящие перед страной вызовы в конце концов привела к тому, что в 428 г. армянские нахарары выразили вотум недоверия древней династии Аршакидов и ликвидировали царство, создав вместо слабой, рыхлой эллинистической монархии феодальную республику, своей воинственностью в чем-то напоминавшую Речь Посполитую более поздних времен или другие подобные государственные образования.

Армения служила не только границей между Восточной и Западной империями, но и культурным, политическим и экономическим мостом между этими двумя мирами, так что Армения находилась под влиянием как классической, так и восточной культур. Образованные слои общества и жители армянских городов общались на сирийском и греческом языках, в то время как простолюдины говорили только по-армянски. Армянская церковь была разделена между приверженцами сирийской и греческой церквей, и церковные службы проводились на греческом и сирийском языках, хотя большинство армянского населения не понимало эти языки. Месроп Маштоц и его меценат, Католикос всех армян Саак Партев, ратовали за единство Армянской церкви и нации.

В некотором смысле, вызовы, вставшие перед готами и армянами, имели сходство, но еще большим сходством обладали ответы на эти вызовы — это осуществленные Вульфиллой и Маштоцем переводы Библии на их родные языки. Оба национальных деятеля рассматривали просвещение как важный инструмент для объединения своего народа и его интеграции в глобальные культурные и политические процессы, с одной стороны, и создания, а затем укрепления своей национальной идентичности, с другой.

Любопытная деталь — истоки как армянского, так и готского христианства находятся в Каппадокии. Просветитель армян, грузин и алуанцев Григорий, скорее

всего, был знатным каппадокийским армянином, поступившим на службу к армянскому царю Тиридату и обратившим его и всех его приближенных в христианство, а затем с помощью царя обратившим в христианство всю Страну Армянскую. Со дня основания Армянской церкви в 301 г. и до 372 г. армянские пастыри рукополагались в столице Каппадокии — Кесарии. Родом из Каппадокии были многие армянские святые¹², что не удивительно, ведь она была заселена преимущественно представителями армянской нации¹³.

Каппадокийские корни имел и Вульфилла, который, согласно автору V в. Филосторгию, был потомком угнанных во время готского набега в плен христиан арианского толка. Проведя всю жизнь среди готов, он сохранил и память о своем происхождении, и верность христианству. У нас слишком мало информации о жизни Вульфиллы, но все указывает на то, что он был одаренным и образованным человеком. Вульфилла свободно говорил на готском, греческом и латыни, идеально подходил на роль проповедника и лидера в среде смешанных этнических групп на имперских рубежах, ведь общины, в которых он проповедовал, состояли не только из людей готского происхождения, но и из большого числа перемещенных иноземцев, живших под властью готов¹⁴. Смешение языков было засвидетельствовано на всей подконтрольной готам территории. В бывшей Дакии говорили на латыни, греческий был языком колоний, расположенных вдоль всего побережья Черного моря, а на готском и других германских диалектах, а также некоторых неидентифицированных языках говорили даки, сарматы и другие народы региона, например аланы, гепиды, фракийцы и, возможно, кельты¹⁵.

Деятельность Вульфиллы можно разделить на два основных этапа: до и после переселения на территорию Римской империи. Второй этап более значимый, он начался, когда христианизированные вестготы, спасаясь от гонений вестготского короля Атанариха, вынуждены были обратиться за покровительством к императору. Принимая во внимание греческое образование, знание греко-римской культуры и образа жизни подданных империи, а также миссионерский дар Вульфиллы убеждать собеседников, готы включили его в состав делегации от конфедерации, посланной около 340–341 гг. в Константинополь для переговоров с Констанцием II. Во время переговоров Вульфилла проявил себя искусным переговорщиком и гибким политиком, чем привлек внимание императора. Сразу после этого Вульфилла был рукоположен епископом Евсевием Никомедийским и назначен епископом всех готов, очевидно, не позже весны 341 г.

Империя всячески стремилась умиротворить и цивилизовать германские народы и рассматривала христианство в качестве основного инструмента для достижения этой цели. В первую очередь имперские власти стремились обратить в христианство германцев, проживавших по периметру *Pax Romana*, поэтому принятие христианства было обязательным условием для въезда на территорию империи¹⁶.

¹² Там же.

¹³ *Немировский А. А.* Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // *Oriens*. 1999. Вып. 6. С. 1–13.

¹⁴ *Fletcher R.* *The Conversion of Europe: From Paganism to Christianity (371–1386 AD)*. London, 1997. P. 76.

¹⁵ *Falluomini C.* *The Gothic Version of the Gospel and Pauline Epistles: Cultural Background, Transmission and Character*. [S.l.], 2015. P. 10.

¹⁶ *Heather P., Matthews J.* *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool, 1996. P. 136.

Это означало, что готам-язычникам путь в Мёзию был заказан. Вульфила поспешил воспользоваться этим обстоятельством и покровительством императора для того, чтобы обратить как можно больше готов в христианство. Вот почему некоторые исследователи считают его деятельность проимперской. Однако Вульфила не был «имперским агентом», его усилия были направлены на продвижение интересов прежде всего собственного народа, на данном этапе лишь совпадавших с интересами империи. Вернувшись на родину, Вульфила стал с еще бóльшим энтузиазмом обращать готов в христианство.

Однако обращение вестготов вызвало недовольство могущественного готского князя Атанариха, поэтому Вульфила, дабы спасти от гонений соотечественников-единоверцев, вновь прибегнул к помощи Констанция¹⁷, чтобы организовать переправу через Дунай, за что получил прозвище готского Моисея. Беглецы обосновались в Мёзии (на обширной территории, простиравшейся между Днестром и Дунаем, охватывавшей восточную часть бывшей Дакии), сам Вульфила поселился недалеко от Никополя. Возглавив новую общину, он установил строгие порядки, в духе ранних христиан. Согласно источникам, готы полностью доверяли ему как до, так и после его хиротонии в Константинополе. По словам Феодорита Кирского, «готы настолько беспрекословно подчинялись епископу Ульфиле, что каждое его слово считали для себя непреложным законом, которое никто не может нарушить» (перевод наш. — *Авт.*)¹⁸.

Вульфила считал, что далеко не все вызовы, с которыми сталкивалась нарождающаяся готская нация, были связаны со вторжением гуннов. Куда важнее, по его мнению, было искоренение разбойничьих нравов и варварских обычаев соплеменников. Вульфила желал видеть своих соотечественников в семье христианских цивилизованных народов, что было возможно через приобщение готов к достижениям греко-римской цивилизации, но отнюдь не через ассимиляцию. Считая *Vetus Latina* (латинские переводы Библии) недостаточными для понимания сути Священного Писания, Вульфила и его сподвижники задались целью перевести Библию на понятный большинству германцев готский язык, но для этого в первую очередь нужно было создать письменность.

Решение перевести Библию на национальный язык указывает на определенный уровень независимости от латинской церкви и стремление к формированию новой культуры и новой нации¹⁹. Только патриот, желающий сохранить готскую идентичность, мог решиться на этот тяжелый и не всеми одобряемый труд. Вульфила не просто перевел Библию, он адаптировал текст к готским реалиям, сделав Священное Писание более понятным для готского народа. Выдающейся заслугой Вульфилы стало создание нового церковного языка для выражения сугубо библейских концепций, прежде чуждых готской культуре. При этом важной особенностью его перевода исследователи считают стремление использовать понятные для

¹⁷ Угроза со стороны гуннов и других варваров все еще была велика, и империя была заинтересована в заселении лимеса новыми подданными.

¹⁸ The Ecclesiastical History of Theodoret, XXXIII / eds Ph. Schaff, H. Wace Buffalo. New York, 1892. P. 229.

¹⁹ *Маргарян Е.* Язык и письменность как политический инструмент. «Умная сила» против варварской интервенциональности // *Caucaso-Caspica: Труды по кавказско-каспийскому региону.* Вып. 5. Ереван, 2020. С. 27–64.

готов эквиваленты сложных терминов и слов, избегать использования заимствованных слов²⁰.

Будучи по происхождению каппадокийцем, Вульфилла, можно сказать, опередил своих соплеменников более чем на тысячу лет. Не его вина, что Библия не получила широкого распространения среди готов, так и не став Священным Писанием для германских народов. Успех Лютера и Цвингли 12 столетий спустя был обусловлен тем, что германский народ, все такой же разношерстный и разобщенный, тем не менее оказался готов к переменам, осознав их необходимость. Без протестантской церкви в Новое время не сложилась бы германской и целого ряда европейских наций, которые выкристаллизовались в борьбе с Римско-католической церковью²¹.

Перевод Библии на готский по времени почти совпал с другим аналогичным событием, происшедшим на другом конце Римской империи — в Армении, которая практически потеряла суверенитет и была разделена между Римом и Сасанидским Ираном. Армянский народ оказался перед очередным историческим вызовом, грозившим существованию армян как этносу, ведь большинство их соседей (каппадокийцы, понтийцы, вифинцы, галаты, пергамцы и др.) исчезли именно в это время, на излете античной и в период формирования византийской православной цивилизации, бесследно растворившись среди ромеев. Главной причиной исчезновения этих народов была целенаправленная имперская политика обращения их в «греческую» веру, иначе говоря, все эти народы добровольно или принудительно стали адептами имперской Халкидонской конфессии и, растворившись в массе имперских подданных, на удивление быстро утратили свою идентичность.

Лишь армянам удалось избежать этой участи, благодаря энергичной и целенаправленной деятельности святого Месропа Маштоца и католикоса армян Саака Партева, которых историограф V в. Корюн, ученик и биограф Маштоца, назвал столпами Армянской церкви [Корюн, 12]. Эти выдающиеся деятели неизменно рассматриваются ею совместно, поскольку они работали в одно время для достижения единой цели и даже умерли в один год. Живя в другой мультикультурной и многоязычной среде, святой Месроп Маштоц и святой Саак Партев возлагали на национальную церковь надежды по защите национальных интересов Армении.

Согласно историкам V в. Мовсесу Хоренаци и Корюну, идея перевода Священного Писания на армянский язык у святого Саака и святого Маштоца возникла одновременно, что в принципе возможно, ведь общественный запрос на просвещение сформировался давно и идея витала в воздухе. Даже если католикос не был осенен этой идеей, он ее горячо поддержал и приложил много сил и средств для ее претворения в жизнь. Несомненно, без деятельного участия католикоса в духовной столице Армении Вагаршапате не мог быть созван собор «блаженных братьев, пекущихся о стране (армянской), дабы создать алфавит для армянского народа» [Корюн, 6]. Решение Вагаршапатского собора о переводе Священного Писания на армянский язык поддержал и царь Восточной Армении Врамшапур, который, «видя, что Армянскому царству наступает конец, воспринял бедствие как испытание своему терпению» [Хоренаци III, 47]. Созыв синода с участием в нем высших

²⁰ Falluomini C. The Gothic Version of the Gospel and Pauline Epistles. P.22–23.

²¹ Впрочем, точно так же выкристаллизовались в борьбе с протестантскими и православными церквями католические польская, шотландская и ирландская нации, а также испанская и португальская нации, сформировавшиеся в ходе Реконквисты.

церковных иерархов, а также царя демонстрирует позицию церкви и государства по этому общенациональному вопросу, который отныне стал не только общецерковным, но и общегосударственным. Без одобрения и содействия со стороны официальных властей, церкви Месроп едва ли отважился бы встать в оппозицию сирийским и греческим церковникам²². Создание армянского алфавита и перевод богослужебных книг с сирийского и греческого языков означали ослабление позиций иностранных священников и усиление патриотически настроенной армянской духовной элиты.

Заручившись поддержкой государственных мужей Армении и церковных иерархов, а также собрав самых преданных и образованных учеников, Месроп направился в Эдессу и Амид, крупные научные и образовательные центры того времени. Оставив здесь часть своих учеников под опекой сирийских рабунасов для совершенствования познаний в сирийском языке и тонкостей сирийского богословия, Маштоц отправился в Самосату. Однако нигде искомой помощи в создании армянской письменности блаженный Месроп не получил. Ему пришлось полагаться исключительно на себя. Находясь в Эдессе, Маштоц провел много времени в знаменитом местном книгохранилище, где он изучил различные письменные системы — сирийскую, эфиопскую, греческую и др. «Миссия Маштоца — настоящая научная, быть может первая в мире, лингвистическая экспедиция, поставившая своей целью выработку алфавита»²³. В 405 г. ему удалось, практически без посторонней помощи, создать буквы армянского алфавита, полностью отражающие фонетические особенности армянского языка. Однако знакомый нам внешний облик армянские буквы обрели уже в Самосате, где Маштоц обратился за помощью к каллиграфу Ропаносу, который помог ему придать армянским письменам законченный вид. Именно здесь, в Самосате, согласно традиции, был переведен первый пассаж из Притч Соломоновых: «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума; Усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты; Простым датьмышленость, юноше — знание и рассудительность» [Притч. 1: 2–4].

Вернулся в Армению Маштоц национальным героем, его встречали как триумфатора все слои общества. Вместе со своими учениками и католиком Сааком он приступил к переводу текста Библии и развернул широкую просветительскую деятельность. В Вагаршапате была создана первая армянская семинария, сюда, по приказу царя и католика, были свезены юноши со всей Великой Армении. Однако просветительское движение охватило не только центральные области, но и окраины. Корюн так описывает деятельность Маштоца в Сюнике, одном из регионов, где язычество было особенно сильно: «И собрал он отроков для обучения, больше всего из районов с дикими нравами и звериными инстинктами, и так много заботился он о них, подобно кормильцу, так пестовал и поучал их». Одного из коренных жителей, знатного мужа по имени Ананиас, Маштоц поставил епископом — блюстителем Сюникской церкви, наполнив край «сонмом монахов» [Корюн, 14].

²² Трудно сказать, как сложилась бы судьба Лютера и Реформации в целом, не предоставь ему курфюрст Саксонский Фридрих, сразу после Вормского сейма, убежище в Вартбурге. Именно здесь Лютер осуществил свой замысел перевода Библии на немецкий и запустил триггер Реформации.

²³ *Ольдерогге Д. А.* Из истории армяно-эфиопских связей (Алфавит Маштоца) // Древний Восток. Вып. 1. М., 1975. С. 208.

Особенно трудно пришлось Маштоцу в обучении «диких [жителей] краев маров²⁴, которые были труднодоступны не только из-за дьявольско-сатанинских чувовищных нравов, но также из-за весьма ломаного и грубого языка... взявшись за воспитание многих отроков, они [Маштоц и соратники его] сделали их ясноговорящими, красноречивыми, образованными, ознакомили их с мудростью, дарованной Богом. И так глубоко они вникли в законы и заветы [Господа], что даже вовсе вышли из своего прежнего естественного [грубого] состояния» [Корюн, 10].

В короткие сроки добившись немалых успехов на территории Армении, Маштоц взялся за тяжелый труд просвещения в сопредельных странах. Однако здесь ему пришлось столкнуться с новыми трудностями, ведь переведенная им Библия была понятна лишь немногим жителям Иверии и Алуании, поэтому «любимец Христа [Маштоц] позаботился также о варварских странах. И принялся он составлять письмена иверского языка, милостью, дарованной ему Богом. Начертил он, расположил и наладил, как надлежало, и, взяв с собою кое-кого из лучших учеников своих, пустился в путь и прибыл в края иверов» [Корюн, 15].

«И [тогда] нашли одного переводчика иверского языка, мужа просвещенного и верующего, звали которого Джага. Затем царь иверов велел из разных областей и из разноплеменных гаваров своего владычества собрать отроков и отдать вардапету [на обучение]. А он взял и бросил их в горнило учения и всей силой духовной любви соскреб с них зловонную ржавчину и грязь дьявольскую и суеверное поклонение идолам и столь отдалил их от преданий предков, что позабыли они все свое прошлое и стали говорить: “Позабыл я свой народ и отчий дом”. И вот тех, которые были собраны из отдельных и разрозненных племен, он [Маштоц] связал божественными заветами и сделал их единым народом, восхваляющим Единого Бога. Из них же нашлись достойные для возведения в сан епископа» [Корюн, 15]. По сути, Корюн приписывает Маштоцу определяющее значение в формировании Грузинской церкви и грузинской нации.

Завершив просветительскую деятельность в Восточной Армении, для основания армянских школ в Западной Армении Маштоц с группой учеников и соратников отправился в Византию, где впервые столкнулся с противодействием. Местные и центральные власти воспретили Маштоцу открывать армянские школы. Бойкот армянскому просвещению организовало духовенство Кесарии Каппадокийской, недовольное попыткой перевести богослужение с греческого языка на армянский²⁵. Действия каппадокийских церковных иерархов поддерживал сам император Феодосий II. В империи Маштоцу пришлось столкнуться с кознями и интригами не только греческих, но и некоторых армянских священников.

Однако отступать перед трудностями было не в правилах Маштоца, и он вновь организовал дипломатически-просветительскую миссию, на этот раз в столицу империи²⁶, включив в число провожатых молодого Вардана Мамиконяна, недавно

²⁴ Мары — ираноязычный воинственный народ, во времена мидийского владычества обосновавшийся у подножия Арарата. Мары долго хранили обычаи предков, после принятия христианства в Армении дольше всего пережитки язычества сохранялись в Сюнике и среди потомков мидийцев, однако в результате просветительской деятельности святых Маштоца и Саака Партева позиции язычества были поколеблены, а мары окончательно арменизированы.

²⁵ Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван, 1997. С. 324–325.

²⁶ Еремян С. Начало армянского письма и литературы // История армянского народа: в 8 т. Т. II. Ереван, 1984. С. 427.

вместе с другими отпрысками нахарарских родов закончившего обучение у католика Саака Партева²⁷. Как и во время своей первой миссии, он позаботился о том, чтобы его ученики обрели новые знания в местных школах. Большинство юношей было определено в греческую школу в западноармянском городе Мелитена, а сам Маштоц в сопровождении молодого Вардана²⁸ отправился в Константинополь, к царскому двору. Аудиенция у императора состоялась в марте — апреле 420 г.

Решение императора было неожиданно позитивным, он во всем поддержал Маштоца и выделил средства на открытие армянских школ. Прежде император проявлял беспокойство по поводу просветительского движения, развернувшегося в Великой Армении усилиями Маштоца и Партева. Это нашло отражение в письме императора Феодосия II армянскому католику Сааку: «Повелев рассмотреть письмо, мы узнали содержание изложенного тобой и тяжко обвинили тебя за то, что ты всем сердцем предался царю язычников, а нам не счел нужным представиться даже письменно. И в еще большей степени вменяем тебе в вину то, что, пренебрегая мудрецами нашего города, ты обратился за научными открытиями к каким-то сирийцам. Поэтому мы были удовлетворены тем, что наши подданные пренебрегли таким учением... Но так как Месроп рассказал нам, что своим возникновением это искусство обязано благодати свыше, то мы распорядились, чтобы обучались [у него] со всем усердием» [Хоренаци III, 57].

Однако в конце концов император не стал препятствовать просветительской деятельности Маштоца в Римской Армении и излил свой гнев на одного лишь Партева, обвинив его как католика в том, что тот потворствовал движению, одной из основных целей которого было освобождение Армянской церкви от греческого влияния. Очевидно, император и греческий патриарх Атик здраво рассудили, что запущенное Партевом и Маштоцем просветительское движение уже не остановить: алфавит создан, и Библия переведена, в короткие сроки была переведена на армянский и вся церковная литература, которая распространилась по всей стране и за ее пределами. Обернуть вспять этот процесс было уже невозможно, сирийские отцы-рабунасы (которые хоть и не помогали Маштоцу во время его миссии, но и не мешали) проявили открытость и гостеприимство, охотно обучая армянских отроков тонкостям сирийского богословия. Персидский царь также не препятствовал просветителю, отлично понимая, что создание армянской письменности и армянской церкви в конце концов приведет ослаблению греческого влияния на персидскую Армению. Любые гонения на армянское просвещение, официальной целью которого было искоренение пережитков язычества во всем христианском мире, были бы восприняты неоднозначно и стоили бы императору серьезных репутационных из-

²⁷ Едва ли сыновья нахараров согласились бы обучаться у Месропа — сына простого азата (мелкопоместный рыцарь, шевалье, администратор незначительного рода) из селения Ацик в области Тарон, поэтому их обучением занялся сам католикос из рода Григора Партева. Просвещение нахараров и их отпрысков имело политическое значение и оказало огромное влияние на дальнейшие судьбы Армении.

²⁸ Род Мамиконянов, как и род Григория Просветителя, всегда имел прозападную ориентацию и был проводником имперской политики в Великой Армении. Кроме того, Вардан был из рода спарпетов (князей-воевод), и предполагалось, что скоро именно он унаследует эту важную должность в Армении. Вардан сам отлично владел мечом, княжича сопровождал небольшой отряд таронских горцев, посему лучшего спутника Маштоцу было не сыскать.

держек. Получилось бы, что персидский царь поддерживает армянское просвещение, а император и его окружение традиционно строят козни и чинят препятствия.

Согласно Корюну, в начале 420 г. Маштоц вместе с неким иереем, переводчиком Бениамином, создал письма для алуанцев — разношерстных и разноязыких племен варваров, обитавших к северу от Куры [Корюн, 16].

Армянское просвещение V в. — это цивилизационный проект, призванный положить конец язычеству и «латентному варварству» на восточной периферии Римского мира. Однако следует уточнить, что в случае с царством Великой Армении речь идет не о варварстве вообще, а именно о «латентном», или «внутреннем», варварстве²⁹. Корюн, торжествуя, пишет о том, что усилиями Маштоца и Партева варварство было побеждено, а пережитки язычества искоренены: «И в это время, несомненно, стала чудесной наша желанная и благодатная страна Армения, куда нежданно, благодаря двум равным мужам, прибыли и стали говорить по-армянски законоучитель Моисей вместе с сонмом пророков и шествующий впереди Павел со всем отрядом апостолов и с животворящим Евангелием Христа» [Корюн, 11]. И хотя столь радужная, можно сказать утопическая, картина является безусловной гиперболой, она не лишена исторической основы. Армянское просвещение V в. было революционным событием и оказало колоссальное воздействие на всю дальнейшую историю Армении. Что поразительно, оно и сегодня продолжает оказывать стимулирующее воздействие, не утратив заложенного в него пассионарного заряда.

В приведенном пассаже в метафоричной форме повествуется о том, что усилиями Маштоца и Партева Ветхий и Новый Заветы стали частью духовной жизни Армении. Более того, в другом отрывке Корюн сравнивает Маштоца с Моисеем. Причем это уподобление повторяется неоднократно. Так, Корюн пишет: «Но пусть никто не считает нас человеком дерзновенным за вышесказанное и не скажет: “Каким образом он мужа весьма скромного уподобил великому Моисею, чудотворцу, говорившему с Самим Богом, сравнил его с ним?” За это, быть может, обвинят нас. Но мы это можем делать с еще большей уверенностью, ибо нет надобности явно и тайно отвергать божественное, так как милость всемогущего единого Бога равномерно жалуется всем землеродным (людям)» [Корюн, 11]. Называя Маштоца «мужем скромным», Корюн вместе с тем уподобляет его и его сподвижников, странствующих по Месопотамии и Каппадокии, библейскому исходу евреев в поисках Земли обетованной, а явленные просветителю Богом письма в виде огненных знаков отождествляет со скрижалями, ниспосланными Моисеем на горе Синай³⁰.

²⁹ Термин «латентное варварство» предполагает застойность, тупиковость исторического развития. См.: Буданова В. П.: 1) *Метаморфозы сознания человека варварского мира на пути к цивилизации // Цивилизация и варварство*. 2018. Вып. VII. С. 7–33; 2) *Латентное варварство: фантом или реальность? // Там же*. Вып. VIII. М., 2019. С. 9–28; 3) *Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории // Там же*. С. 74–103; Шевченко В. Н. *Цивилизация vs латентное варварство и цивилизационный проект // Проблемы цивилизационного развития*. 2021. № 2. С. 30–48.

³⁰ «Житие Маштоца» нетипично для своего жанра: в нем нет описания чудес, совершенных святым. Обычно житийная литература канонична, исторический фон в ней размыт, часто не указываются исторические факты, конкретные даты, названия мест, где происходит чудесное событие. Житие — скорее мифо-эпический, нежели биографический или историописательный жанр. Произведение Корюна, несмотря на свое название, принадлежит скорее к историко-биографическому жанру, в нем нет описания чудес в традиционном смысле этого слова. Единственное чудесное событие, описываемое Корюном, — это боговдохновенные труды над созданием армянского алфавита

По той же схеме описывает своего учителя Вульфилу Авксентий Доросторский. В своем панегирике наставнику Авксентий пишет: «И как Бог через Моисея освободил от власти и жестокости фараона и египтян народ Свой и перевел его через море и предопределил на служение Себе, так и через того, о ком мы многократно здесь говорили, Бог освободил из страны варваров исповедников Своего Святого Единородного Сына и перевел через Данубий и дал [возможность] служить Себе среди гор в подражание святым»³¹. Авксентий также сравнивает Вульфилу с Давидом и Иосифом, а общину готов, переселенную из страны варваров (*de barbarico*) в империю, он назвал «общиной исповедников» (*populus confessorum*).

Подвижнический подвиг Вульфилы воспринимался современниками как цивилизационный порыв. Другой его современник, автор V столетия Филосторгий³², так описывает деятельность подвижника среди вестготов: «Ульфила проявлял великую заботу о них и во всем прочем: составил для них собственную азбуку и перевел на родной их язык все книги Священного Писания, за исключением книг Царств, так как они содержат описание войн. Народ же сей необычайно привержен войне и гораздо более нуждается в строгой узде, чтобы обуздать воинственный пыл, чем в шпорах, дабы возбудить оный»³³. Иначе говоря, Вульфила стремился привить готам миролюбие и обуздать их воинственный нрав, за что «удостоился от него [Констанция] великих почестей, настолько, что в разговоре император часто величал его “Моисеем нашего времени”»³⁴.

Очевидно поэтому, согласно историографу VI в. Иордану, переселившиеся в Римскую империю мёзийские готы не приняли участия в восстании против императора-арианина Валента. Возможно, энергичная цивилизаторская деятельность Вульфилы и вправду смягчила их нравы, или Вульфила просто не позволил присоединиться к повстанцам. Кроме того, известен эпизод, когда он пытался выступить в роли посредника-миротворца между Фредергемом (*Frederghem*) и Валентом. Варвары послали Вульфилу к императору перед битвой у Адрианополя, чтобы заключить мир, однако миссия не увенчалась успехом, что дорого обошлось римлянам и самому Валенту. Мир между готами и римлянами был восстановлен только при Феодосии, который проявил изрядную гибкость и уступчивость во время переговоров с варварами. Лишь после восстановления мира Вульфила смог продолжить свою проповедническую деятельность среди мёзийских готов. После его смерти оставалось не так уж много вестготов-язычников в Римской империи.

и переводом Библии на армянский язык. Точно также Авксентий в своем панегирике, восхваляя своего учителя и наставника как Моисея готского народа, никогда не упоминал ни о каком чуде, совершенном его любимым учителем.

³¹ Доростовский А. О вере, жизни и кончине Ульфила // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 4 (41). С. 106.

³² В оригинале «Церковная история» Филосторгия не сохранилась, возможно, из-за того, что была изложена с арианской точки зрения. Общее содержание книги известно в пересказе автора IX в. патриарха Константинополя Фотия «Сокращение из “Церковной истории” Филосторгия, со слов патриарха Фотия». Сведения о Вульфиле в основном содержатся во второй из 12 книг Филосторгия. Очевидно, патриарх армянского происхождения, но последовательный халкидонит Фотий опустил из сочинения арианского историка Филосторгия все, что противоречило византийской ортодоксальной доктрине IX в.

³³ *Philostorgius*. Church History 2.5. [S.l.], 1972. P. 17–18.

³⁴ *Ibid.*

История жизни Вульфилы свидетельствует о том, что он стремился избегать конфронтации с римскими властями и пытался вписать вестготов в политическую и культурную систему *Pax Romana*. Маштоц тоже стремился решать проблемы с имперскими властями путем переговоров и, когда было необходимо, сотрудничал с ними, используя ресурсы империи. Источники сообщают по меньшей мере о двух официальных миссиях Вульфилы в Константинополь. Что касается Маштоца и Партева, то им приходилось постоянно маневрировать между Константинополем и Ктесифоном. Многие годы Маштоц провел в странствиях за пределами своей страны с просветительской или дипломатической миссиями (в том числе в столицу империи Константинополь). Известно, что волна просветительства дошла до Западной Армении в последнюю очередь, что было обусловлено открытым противодействием имперских властей. Как видно из вышеприведенного фрагмента «Истории» Мовсеса Хоренаци [Хоренаци III, 57], Маштоцу пришлось сглаживать противоречия, возникавшие в ходе его просветительской деятельности с имперскими властями и церковью. Согласно Хоренаци, даже Константинопольский патриарх Атик дал согласие на открытие в Западной Армении армянских школ и смирился с тем, что в поселениях Западной Армении проповеди будут вестись на армянском языке. Запоздалый успех армянского просветительства в Западной Армении был обусловлен дипломатическим умением Маштоца, которому удалось убедить императора Феодосия и патриарха Атика в том, что армянское просветительство уменьшит влияние сирийской книжности и сирийского миафизитства на армянскую культуру. Это, в свою очередь, должно было привести к ослаблению позиций сирийского духовенства, которые особенно усилились во годы правления Йездигерда I (399/400–420/421).

Персидский двор, в свою очередь, был заинтересован в ослаблении влияния греческой церкви на Великую Армению, Кавказскую Иверию, Кавказскую Алуанию и другие подчиненные Ирану страны. Армянское просветительство воспринималось именно в этом контексте. Мовсес Хоренаци упоминает миссию католика Саака к царю царей Врам, во время которой католикос передал письмо от армянского царя с просьбой назначить Вардана Мамиконяна, сына своей дочери Саакануш, на должность спарапета Персидской Армении. Прошение было удовлетворено³⁵. Однако думается, что Саак Партев ездил в Ктесифон не только для того, чтобы обеспечить карьерный рост своего внука. Вероятнее всего, первоочередной целью армянского патриарха было согласование с персидским двором просветительской политики армянской церкви. Прочие формальные вопросы служили лишь для отвода глаз. И все же император прознал об истинных целях вояжа католика и обвинил его в нелояльности. В источниках не сохранились упоминания о дальнейших взаимоотношениях между армянскими просветителями и персидским двором, но наверняка эти контакты были и носили регулярный характер, однако теперь они осуществлялись исключительно через армянского царя Врамшапура, что не могло быть использовано как повод для проявления недовольства константинопольских властей. Косвенно на это указывает то обстоятельство, что во время своей просветительской деятельности Месроп Маштоц и Саак Партев ни

³⁵ В 450–451 гг. Вардан Мамиконян возглавил первую в истории войну за христианскую веру. Он и его соратники пали в неравном бою на Аварайрском поле и заняли достойное место в сонме мучеников за веру.

разу не столкнулись с помехами или противодействием ни в вассальных Сасанидскому Ирану Восточной Армении, ни в Кавказской Иверии, ни в Кавказской Алуании.

Подведем итоги. В IV–V вв. Армения и готские варварские королевства находились на разных стадиях развития. Готы — группа германских племен, во II–IV столетиях едва вступивших на путь разложения военной демократии и формирования первых государственных образований. Разложение родового строя у разных готских племен происходило неравномерно, однако социальное расслоение и тесное общение с Римским миром ускорило развитие германцев и поднимало их на новый уровень бытия.

Армения к этому времени насчитывала почти двухтысячелетнюю историю и была частью эллинистической цивилизации, в недрах которой вот уже почти четыре столетия вызревало христианство. В период Ервандидов и Арташесидов эллинистическое царство Великая Армения пережило период наивысшего расцвета. Однако с выходом на политическую арену Римской республики/империи и Аршакидского Ирана Армения, как и большинство эллинистических царств, оказалась на грани поглощения. Будучи зажатой между двумя могущественными соседями, расколота на две части, страна погрузилась в политический, культурный и цивилизационный кризис, оказавшись в своего рода историческом тупике³⁶. Армянский народ был поставлен перед выбором: либо стать частью западного мира, воплощением которого был Рим, либо восточного, олицетворяемого зороастрийской иранской цивилизацией, либо же пойти по третьему, собственному пути. Поиск ответа на этот вопрос занял несколько столетий. Время правления Аршакидов стало долгой эпохой поисков и обретения новой идентичности, соответствующей средневековым реалиям.

Ответом на вызовы времени для армян и части готов стали не завоевания или колонизация новых земель, а христианизация и просвещение, приобщение к «людям Писания»³⁷, Священного Писания на собственном языке. Стать членом этого сообщества совсем непросто. Чтобы стать книжной цивилизацией, нужно потратить огромные усилия, и побудительная причина для этого должна быть исключительной. Изобретение собственного алфавита, перевод Священного Писания главной целью имеют формирование национальной церкви, а национальная церковь является главным инструментом для создания (или воссоздания) национальной идентичности. Появление национальной церкви и зарождение нации — взаимосвязанные и взаимообусловленные явления, но для зарождения национальной церкви нужна священная книга на национальном языке, дающая ответы на универсальные и злободневные вопросы, книга, которую можно изучать и по которой можно жить. Первыми, кто стал исповедовать такой образ жизни, стали евреи, для которых абсолютной ценностью стали не храмы или священные образы, а книги. Другим народом — приверженцем книжной культуры — стали сирийцы, и, пожа-

³⁶ Дерлугьян Г.М. Тупик как историческая развилка возможностей // Эксперт. 2007. № 40. С. 76–82; Кантор М. Стратегия Левиафана. М., 2014; Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995.

³⁷ Исламский термин *ахль аль-китаб* означает «люди Писания». Именно таким выражением мусульмане описывали народы, которые не приняли ислам, но воспринимались как монотеисты и не должны были подвергаться насильственной исламизации. Помимо мусульман, в категорию «людей Писания» входят евреи, христиане и так называемые сабии.

луй, следом за ними армяне. Недаром эти народы от века украшают книги, а не храмы. Письменность дается не сразу и не каждому, а лишь страждущему и ищущему народу, тому, кто стремится говорить с Богом на родном языке и ожидает, что Он ответит ему тем же.

В заключение хотелось бы прояснить сходства и различия готского и армянского просвещения рубежа IV и V вв. Среди общих черт стоит отметить следующие обстоятельства. Готское и армянское просвещение V в. — это цивилизационный проект, призванный положить конец язычеству и «латентному варварству» на периферии Римского мира, стремительно клонящегося к закату. Именно так воспринимали современники создание национальных алфавитов и перевод Библии на национальные языки.

У истоков обоих просвещений стояли выдающиеся просветители, такие как Вульфила и Маштоц, заложившие краеугольный камень в основание средневековой национальной идентичности своих народов. Оба просветителя были патриотами своих народов — готского и армянского. Оба были гибкими политиками и стремились избежать конфронтации с имперскими державами и по возможности старались с ними сотрудничать. Просветительская деятельность Вульфилы и Маштоца не протекала в русле ортодоксальной имперской церкви, поэтому римские власти иногда препятствовали просветителям, а иногда, исходя из конъюнктурных соображений, пытались использовать творческий порыв армянского и готского народов в своих политических целях. Оба просветителя считались богоизбранными и получили у современников прозвище Моисей (Мовсес), ибо, подобно Моисею, были носителями высоких, труднодостижимых знаний, они были ведомы Богом и, подобно тому, как Моисей получил скрижали на горе Синай, готские и армянские просветители получили от Бога национальные алфавиты. Вдобавок оба просветителя возглавили в странствиях группы своих сподвижников, как Моисей, водивший евреев по Синайской пустыне.

Для создания готского и армянского алфавитов Вульфила и Маштоц почти сразу отказались от идеи использовать готические руны и древние армянские храмовые письмена. Причин было по меньшей мере две: их несовершенство и невозможность с их помощью решить стоящие перед просветителями задачи. Была и другая причина — связь древних письменных знаков с обрядами языческих культов, что делало нежелательным их применение для перевода Священного Писания. Национальная христианская церковь должна была доказать свою способность решать стоящие перед ней вызовы самостоятельно, более совершенными, соответствующими духу времени средствами.

Однако между двумя просветительскими движениями, армянским и готским, были и неизбежные различия. Переводы армянской и готской версий Библии отличаются по цельности, завершенности и литературному мастерству. Армянскую Библию называют «царицей переводов», в то время как готская Библия имеет немало ошибок и ложных толкований; кроме того, сравнение фразеологизмов из разных фрагментов готской Библии выявляет неодинаковое качество их перевода, что, по мнению исследователей, свидетельствует о коллективном характере перевода, который был начат самим Вульфиллой, а завершен его учениками после смерти наставника. Более того, Библия так и не была целиком переведена на готский язык. Армянский перевод Библии отличается завершенностью, единством замысла

и стройностью синтаксических конструкций, пониманием ближневосточных эллинистических реалий, точностью толкований и др. Безусловно, Маштоц не один трудился над переводом, ему помогали ученики и, возможно, сам Саак Партев. Однако этот коллективный труд был выверен одним высокообразованным и опытным редактором, который тщательно вычитывал каждую строку, выстраивая единую стройную конструкцию.

У армян за плечами была долгая эпоха эллинизма. Характерной его чертой было просветительство, классическим примером которого стало александрийское просветительское движение эпохи правления Птолемеев³⁸. Армения в эпохи Ервандидов и Арташесидов также пережила всплески просветительства, инициированные отдельными выдающимися эллинистическими монархами³⁹. Однако на ранних стадиях эллинизма любое просветительское движение предполагало подражание высоким греческим образцам. Христианство — также эллинистическое явление, однако далеко не везде христианство порождало национальную церковь. Народы, прошедшие через горнило эллинистической цивилизации, — египтяне, сирийцы, греки, армяне и, конечно, евреи — породили национальные церкви. Вестготы также породили национальную — Арианскую — церковь, но, скорее всего, концепт просвещения среди готов носил поверхностный характер, и просвещение не достигло корневой системы германского этноса. Возможно, поэтому готское просвещение не оставило глубоких следов среди германцев и в дальнейшем было задавлено Римской цезарепапистской церковью. Просветительские идеи Маштоца и Партева проистекали из эллинистического прошлого Армении и были выношены всем обществом — как армянской элитой (придворные, знать), так и значительной частью народа, особенно горожанами — жителями эллинистических полисов. По всей видимости, поэтому армянское просвещение не было чем-то искусственным, протекало естественно и на первый взгляд легко.

Вульфилла не был этническим готом, его родители были образованными каппадокийцами, попавшими в плен к германцам во время набега готов на Малую Азию. Образование, полученное Вульфиллой, было нетипично не только для простых готов, но и для готской знати. Месроп Маштоц был коренным уроженцем Армении и типичным армянским монахом, носителем исконных местных, а также эллинистических и зороастрийских⁴⁰ традиций, которые в Армении также воспринимались как местные.

Маштоц получил поддержку армянских церковных и государственных властей, а также нахараров на местах. О том, что готские вожди активно помогали Вульфиле в его просветительской деятельности, сведений нет.

Армянские просветители использовали противоречия между клонящимися к закату античными империями, используя эти противоречия на пользу своего народа. Иранский фактор до некоторой степени способствовал успеху армянского

³⁸ Маргарян Е. Г. Эллинизм и его трансформации. Кн. I.

³⁹ Маргарян Е. Г.: 1) Поиски идеального государственного обустройства в эллинистической Армении: утопия и реальность // Национальная идея. 2008. № 1. С. 64–75; 2) Теория и практика социального устройства эллинистической Армении // Материалы международной научной конференции: теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008. С. 351–353.

⁴⁰ Достаточно вспомнить, что прозвище *Маштоц* происходит от иранского *mazdâ*, *mazhdah* — «устанавливающий мысль», «осмысливающий», «мудрый» — зороастрийский эпитет посвященного или того, на кого снизошел Божественный дух.

просвещения. Едва ли на рубеже IV и V вв. Сасаниды питали иллюзии относительно того, что когда-нибудь смогут вернуть армян в лоно зороастризма. Учение пророка Заратуштры давно зашло в тупик и трансформировалось в различные секты, чья догматика была обогащена эллинистическими концепциями. Ортодоксальный зороастризм сопротивлялся, но был обречен. Скоро ему предстояло сойти с исторической арены, уступив место исламу. Что касается Армении, то она всегда отторгала ортодоксальный зороастризм, примеряя на себя разные позднеэллинистические религиозные системы, и в конце концов остановила свой выбор на христианстве. Когда армянские деятели озаботились созданием национальной церкви, Ктесифон решил им не препятствовать, ведь это значительно ослабляло византийскую ортодоксальную церковь и влияние греческой христианской культуры на самобытную армянскую христианскую культуру.

Создание армянского алфавита и богатейшей литературы на армянском языке сформировало литературный армянский язык, объединивший разные части Армении, говорившие на разных диалектах и наречиях. Средневековая латынь играла объединяющую роль в Западной Европе, а древнеармянский литературный язык (հայերէն) играл для армян объединяющую роль в самой Армении и за ее пределами⁴¹. Литературный язык стал не просто маркером, но и, в некотором смысле, охранителем домодерной национальной идентичности армян.

В Армении просвещение явилось реакцией на ущемление, а у готов — на латентное варварство, однако большинство готов отказалось подражать духовной элите и не последовало за творческим меньшинством, что, скорее всего, и стало причиной дальнейшей стагнации нации, которая растворилась среди других народов, оставив о себе недобрую память. В Европе готы и вандалы стали символом варварства, разрушения цивилизации и общепринятых норм поведения. В последней четверти XX в. готами стали называть представителей мистической, мрачной субкультуры, отрицающей современные цивилизационные ценности, исповедующей танатологические идеи и предсказывающей гибель современного мира.

Армянская культура, как и в эпоху эллинизма, благодаря национальному просвещению V столетия обрела собственное лицо, большую самостоятельность и субъектность. И сегодня это явление не утратило своего пассионарного заряда и продолжает оказывать сильнейшее воздействие на современную Армению.

References

- Budanova V.P. Latentnoe varvarstvo: fantom ili real'nost? *Tsivilizatsiia i varvarstvo*, 2019, issue VIII, pp.9–28. (In Russian)
- Budanova V.P. Latentnoe varvarstvo: priroda, formy proiavlennii i mesto v istorii. *Tsivilizatsiia i varvarstvo*, 2019, issue VIII, pp.74–103. (In Russian)
- Budanova V.P. Metamorfozy soznaniia cheloveka varvarskogo mira na puti k tsivilizatsii. *Tsivilizatsiia i varvarstvo*, 2018, issue VII, pp.7–33. (In Russian)
- Derlug'ian G. M. Tupik kak istoricheskaia razvilka vozmozhnostei. *Ekspert*, 2007, no.40, pp.76–82. (In Russian)
- Dorostovskii A. O vere, zhizni i konchine Ul'fily. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2011, no.4 (41), pp.105–116. (In Russian)

⁴¹ Здесь уместно сравнение с евреями, для которых иврит играл объединяющую роль на протяжении тысячелетий, будучи маркером национальной идентичности.

- Elizarova N. M. K voprosu ob istochnikakh rabstva v Rime v I v. do n. e. (po dannym Tsitserona). *Antichnyi mir i arkhologiiia*, 1979, issue 4, pp. 62–70. (In Russian)
- Falluomini C. *The Gothic Vertion of the Gospel and Pauline Epistles: Cultural Background, Transmission and Character*. [S.l.], De Gruyter, 2015, 436 p.
- Fletcher R. *The Conversion of Europe: From Paganism to Christianity (371–1386 AD)*. London, Harper Collins Publisher, 1997.
- Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*, Liverpool, Liverpool University Press, 1996, 136 p.
- Hengel M. *Jews, Greeks and Barbarians*. Philadelphia, Fortress, 1980, 186 p.
- Hengel M. *Judaism and Hellenism*. London, SCM Press, 1974, 666 p.
- Kallistov D. P., Neikhardt A. A., Shifman I. Sh., Shishova I. A. *Rabstvo na periferii antichnogo mira*. Leninograd, Nauka Publ., 1968, 271 p. (In Russian)
- Kantor M. *Strategiia Levianfana*. Moscow, AST Publ., 2014, 446 p. (In Russian)
- Kara-Murza A. A. “Novoe varvarstvo” kak problema rossiiskoi tsivilizatsii. Moscow, IFRAN Press, 1995, 221 p. (In Russian)
- Margarian E. *Ellinizm i ego transformatsii. Problemy periodizatsii, universalizatsii i preemstvennosti*, book I. Yerevan, AN RA Press, 2021, 368 p. (In Russian)
- Margarian E. Iazyk i pis'mennost' kak politicheskii instrument. “Umnaia sila” protiv varvarskoi interventSIONal'nosti. *Caucaso-Caspica. Trudy po Kavkazsko-Kaspiiskomu regionu*, issue V. Yerevan, RAU Press, 2020, pp. 27–64 (In Russian)
- Margarian E. G. Iz istorii britanskikh issledovaniellinizma. *Dialog so vremenem*, 2021, issue 74, pp. 169–184. (In Russian)
- Margarian E. Iz istorii frantsuzskikh ellinisticheskikh issledovaniellinizma. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii*, 2022, issue, 78, pp. 102–117. (In Russian)
- Margarian E. Khristianskie sviatye v brone i s parameriem nagolo: obraz voina-ispovednika v vizantiiskoi ikonografii (1). PrieVfratskaia pograničnaia zona i khristianstvo. *Vizual'naia teologiiia*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 39–57. (In Russian)
- Margarian E. Obraz vraga v rimskoi literature epokhi printsipata. *Kritika i semiotika*, no. 2. Novosibirsk, Moscow, Institut filologii Sibirskogo otdeleniia RAN Press, Novosibirskii gosuniversitet Press, RGGU Press, 2015, pp. 367–383. (In Russian)
- Margarian E. Poiski ideal'nogo gosudarstvennogo obustroistva v ellinisticheskoi Armenii: utopiia i real'nost'. *Natsional'naia ideia*, 2008, no. 1, pp. 64–75. (In Russian)
- Margarian E. Teoriia i praktika sotsial'nogo ustroistva ellinisticheskoi Armenii. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: teorii i metody istoricheskoi nauki: shag v XXI vek*. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press, 2008, pp. 351–353. (In Russian)
- Margaryan Ye. *Introduction. On the Borders of World-Systems: Contact Zones in Ancient and in Ancient and Modern Times*. Oxford, Archaeopress, 2020, 148 p.
- Margaryan Ye. The Euphrates frontier in the Byzantine period. Undergoing the new reality. *On the Borders of World-Systems: Contact Zones in Ancient and Modern Times*. Oxford, Archaeopress, 2020, pp. 6–58.
- Neigebauer O. *Tochnye nauki v drevnosti*. Moscow, Nauka Publ., 1968, 224 p. (In Russian)
- Nemirovskii A. A. Kappadokiicy i Kappadokiia: k formirovaniu etnopoliticheskoi karty drevnei Anatolii. *Oriens*, 1999, issue 6, pp. 1–13. (In Russian)
- Nikishin V. O. “Natsional'nyi vopros” v proizvedeniakh Tatsita. *Drevnii Vostok i antichnyi mir: trudy kafedry istorii Drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU*, 2001, issue 4, pp. 93–108. (In Russian)
- Nikishin V. O. *Chuzhezemtsy v proizvedeniakh Tsitserona, Tsezaria i Sallustiia (k voprosu o sushchnosti rimskogo “shovinizma” v I v. do n. e.)*. PhD thesis (History). Moscow, 2000, 246 p. (In Russian)
- Nikishin V. O. Elliny, rimliane i varvary: evoliutsiia poniatii v epokhu rimskogo vladychestva. *Stavropol Almanac of the Society of Intellectual History*, 2002, vol. 2, pp. 56–67. (In Russian)
- Ol'derogge D. A. Iz istorii armiano-efiopskikh sviazei (Alfavit Mashtotsa). *Drevnii Vostok*, 1975, issue 1, pp. 208–218. (In Russian)
- Rozhanskii I. D. Razism i Drevniia Gretsiiia. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1995, no. 2, pp. 58–65. (In Russian)
- Shevchenko V. N. Tsivilizatsiia vs latentnoe varvarstvo i tsivilizatsionnyi proekt. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia*, 2021, no. 2, pp. 30–48. (In Russian)

- Stepanyan A. A. *Razvitie istoricheskoi mysli v drevnei Armenii: mif, ratsionalizm, istoriopisanie*. Yerevan, Akademiia nauk Armenii Press, 1991, 251 p. (In Russian)
- Stepanyan A. A. The agreement “Family-state” in the Armenian public thought of the 5th century. Movses Khorenatsi. *Iran Nameh*, 1993, no. 6, pp. 21–23. (In Armenian)
- Yeremyan S. T. The beginning of Armenian writing and literature. *The history of the Armenian people*, vol. II. Yerevan, Publishing House of the Armenian SSR, 1984, pp. 423–439. (In Armenian)

Статья поступила в редакцию 7 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: October 7, 2022

Accepted: January 30, 2023